

ДАТ АНАЛИЗ

ОБРАЗОВАНИЕ

по плакатам

НА СТЕНЕ

Появятся ли в Казахстане достойные специалисты?

Казахстан скоро будет отмечать двадцать лет своей независимости. На протяжении всего этого времени страна реформировалась, в том числе и в сфере образования. Итог – нельзя сказать, что радуется, но и не впечатляет. Главным принципом реформы образования был объявлен переход от модели «образование для всех» к модели «образование по выбору». Идеология реформы – интегрировать образовательную систему Казахстана в мировое образовательное пространство. Понятно, что инновационность – это бренд современного общества. Но при этом нельзя забывать и того, что если есть новация, то должна быть и традиция. Так, например, престиж Московского Государственного университета обеспечивается не только за счет его профессорско-преподавательского состава, но и следования вековым традициям, общественным положением, которое занимали и занимают многие его выпускники. Что система высшего образования в результате реформирования в Казахстане приобрела, а что потеряла? Попробуем разобраться.

Каков спрос – таково и предложение

Сейчас экономика переживает дефицит эффективных топ-менеджеров, а общество – кризис элиты. У нас с каждым приходом нового руководителя в ту или иную сферу начинается новая реформа, при этом совершенно забывается тот факт, что предыдущая реформа началась всего два года назад. Вот так и топчемся на месте уже два десятка лет. Проблема в том, что большинство руководителей не хотят и не могут решать творческие задачи. Не это ли сигнал, который «семафорит» о том, что идет сбой, в том числе системы образования?

Власть суматошно пытается принять новую государственную программу развития образования, теперь уже до 2020 года, при этом не оценив эффективность реализации действующей. Итоги новой программы будет оцениваться по конечному результату. Но кто мешает власти сейчас оценить результативность действующей программы? Может быть, потому, что оценивать пока что нечего?

Формат и требования к вузам, которые разрабатывают чиновники от образования, меняются, как астанинская погода, чуть ли не ежедневно. Госуправленцы пытаются всячески унифицировать систему высшего образования, подогнать под все возможные и невозможные международные стандарты. Даже к Болонскому процессу присоединились. Только почему-то европейская модель высшего образования на азиатской почве постсоветского пространства особо не приживается. На Западе автоматически не признают диплом выпускника казахстанского вуза только потому, что в нем записано «бакалавр» или «магистр».

Увы, в Казахстане сложилась парадоксальная ситуация: несмотря на высокий спрос специалистов в области экономики, индустриально-промышленной сфере, права и т.д. около половины вчерашних выпускников высших учебных заведений не могут устроиться работать по специальности.

Свидетельством чего этого является? На наш взгляд, в образовании наметилась явная диспропорция – перепроизводство плохих и дефицит хороших специалистов. Фундаментальная причина снижения качества образования – нет спроса на независимых специалистов, нужны угадывающие желания хозяина. А каков спрос – таково и предложение.

Караван проблем

Несомненно также то, что в системе подготовки специалистов с высшим образованием существует объективный разрыв между потребностями практики и вузовским образованием. В любой профессии требуется «доводка» молодого специалиста, особенно если это касается практических навыков технарей. Эта система некогда у нас существовала, но после приватизации гос-предприятий «приказала долго жить».

Думаем, что никто не станет отрицать эффективность института молодых специалистов в советское время. Тогда государство просто обязывало предприятия в течение трех лет заботиться о выпускнике вуза: был наставник и постепенчатый профессиональный рост. Сейчас систему приобретения практических навыков взвалили на вузы. А какие навыки, например, может получить инженер, обучаясь только по плакатам на стене?

Еще одна проблема в том, что наших «бакалавров» просто не хотят брать на работу, считая, что это очень «сырой материал». Кстати, сами преподаватели вузов говорят, что в бакалавриатах готовятся не конкретные специалисты, а люди, «имеющие начальное высшее образование в этой сфере».

Согласитесь, что подход слишком размытый, чтобы определить, чему реально обучен молодой специалист. Большинство работодателей не удовлетворено качеством специалистов, выпускаемых вузами. Образовательные программы не всегда отвечают ожиданиям работодателей и не соответствуют потребностям экономики.

Как видим, начавшаяся реформа высшего образования, по сути, не решила старую проблему – трудоустройства новоиспеченных специалистов. В 2004 году казахские вузы в массовом порядке перешли на систему обучения, якобы соответствующую европейским стандартам. Теперь институты и университеты готовят специалистов, имеющих академическую степень бакалавра или магистра. Однако, как выясняется, сфера производства не готова принять выпускников, по сути, с незаконченным высшим образованием. То есть европейскую схему внедрили, только не учли того, что ментальность казахстанцев пока не соответствует западным методикам.

Актуальным остается вопрос низкой заработной платы профессорско-препо-дательского состава и, соответственно, так называемая «утечка мозгов» в различные коммерческие структуры. Нынешние потенциальные преподаватели сегодня предпочитают зарабатывать деньги, а не развивать отечественную науку. Для сравнения – в Южной Корее заработная плата молодого преподавателя составляет 2000–2500 долларов США, что в полтора раза выше средней по стране. А у нас заработная плата старшего преподавателя с 20-летним стажем работы, например, в Костанайском государственном университете на факультете иностранных языков не достигает и 300 долларов.

Также по-прежнему не решена проблема перенасыщения казахского рынка образовательными учреждениями (вузами), предоставляющими высшее образование. На население чуть больше 16 миллионов приходится 146 вузов, из которых только 32 являются государственными. В то время как в лидирующих странах мира в области образования, например, в Великобритании, на население в 60,4 миллионов человек приходится 89 вузов, в Финляндии на 5,2 миллиона приходится 20 вузов, в Чехии на 10,2 миллиона приходится 66 вуза и т.д. В среднем, в странах Восточной Азии, Европы, России на численность населения от 150 тыс. до 700 тыс. человек приходится один вуз. В среднем в мире соотношение этого показателя составляет 320 тыс. человек против 84 тыс. в Казахстане.

Тем не менее, власть в проекте новой госпрограммы намечает весьма амбициозные планы.

Мечты сбываются?

Так, по замыслу разработчиков проекта государственной программы развития образования, до 2020 года доля выпускников вузов, трудоустроенных по специальности в первый год после окончания вуза, в 2015 году составит 78%, в 2020 г. – 80%. С трудом, но постараемся поверить.

Также в МОНе считают, что доля выпускников вузов, прошедших независимую оценку квалификации в сообществе работодателей с первого раза, от общего количества принявших участие в 2020 году составит 80%. Учитывая существующий разрыв между теоретической частью высшего образования и практической, – идея, по сути, не реализуемая.

Относительно того, что количество вузов Казахстана, отмеченных в рейтинге лучших мировых университетов, в 2015 году составит 1, а в 2020 году – 2, сомнений мало, учитывая, какими темпами

накачивается сейчас средствами как бюджетными, так и «частно-партнерскими» по указанию президента Назарбаева один из одноименных университетов. В конце концов, то, что не достигнуто умом, догонят рублем. Не впервой.

Есть большие проблемы в подготовке научных и научно-педагогических кадров. Количество кандидатов и докторов наук в Казахстане увеличивается, но, в основном, за счет людей, не имеющих никакого отношения к науке и педагогической деятельности. Тем не менее, государственные мужи планируют то, что доля ППС и научных работников, имеющих публикации в научных журналах с высоким импакт-фактором в течение последних 5 лет, то есть до 2015 года, увеличится на 2%, а в 2020 году – на 7%.

Уж не знаем, откуда взяты эти данные, но статистика свидетельствует о тенденции не только сокращения численности профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений, но и числа аспирантов. Так, если в 2005–2006 учебном году число преподавателей системы высшего образования составляло 43382 человека, то в 2009 году – уже 39155 человек.

Исключение составляют разве что докторанты, численность которых за 6 лет увеличилась с 400 до 666, и то, в основном, за счет вузов г. Алматы (на 68) и Астаны (на 173).

Полету фантазии работников МОНа нет предела. Так, по их замыслу, доля молодежи, принимающей активное участие в реализации мероприятий в сфере молодежной политики, к 2015 году составит 27%, а в 2020 году – 55%. А теперь представьте картину, что более половины молодежи Казахстана через десять лет будет постоянно участвовать в мероприятиях в сфере молодежной политики, а кто же тогда будет учиться и работать? «Наша Казаша» на фоне разработчиков программы отдыхает.

Уж не знаем, радоваться ли или плакать выпускникам «Болашака», но теперь по царскому велению и МОНовскому хотению 100% стипендиатов будут обязаны обучиться в магистратуре, докторантуре и пройти научные стажировки.

Бич всей нашей системы образования – коррупция. В отношении ее в проекте программы сказано следующее: «значительное снижение уровня коррупции». И все. Как и каким образом снизить уровень коррупции, разработчики программы не удосужились обозначить. Главное – сказать, а как сделать, не суть важно. В Грузии, например, эту проблему решили в один присест. В 2004 году в Грузии был введен Единый государственный экзамен. Одновременно посадили ректоров нескольких вузов. На этом коррупция в высшем образовании закончилась. Взятки за поступление в институт и дальнейшую учебу ушли в историю.

Конечно, желание «вписаться» в международные стандарты образования имело один из позитивных эффектов: резкое снижение уровня коррупции в высшей школе, так как вузы были фактически отстранены от процедуры отбора абитуриентов. Но эту «оплошность» те, кто изначально не был намерен жить на одну зарплату, компенсируют со студентов с лихвой за четыре года обучения. Так что проблема коррупции как была в казахских вузах, так и осталась, единственное ее отличие – она стала более изощренной, но повседневной и всеобъемлющей.

Министерство образования и науки планирует также в каких только можно форматах и плоскостях аккредитацию и лицензирование казахских вузов. Дело нужное, но хлопотное, а самое главное – неблагодарное. То, что системе не обойтись без громких скандалов, это факт. Достаточно вспомнить позорный для всей системы образования первый тур аккредитации. Тогда только 25% от общего числа вузов страны смогли ее пройти. Как выяснилось, предъявляемые международные стандарты оказались просто неподъемными для наших институтов, университетов и академий. И если сейчас худо-бедно вузы «остепенились», всеми правдами и неправдами повысив долю преподавателей с учеными степенями и званиями, то решить проблему доли преподавателей, работающих на полную ставку, и обеспеченность учебного процесса аудиторными и библиотечными фондами пока не удалось.

Также планируется с 2014 года ежегодно на 10% увеличивать долю вузов, в которых будет обновлена учебно-лабораторная база. Для развития материально-технической базы вузов будут привлечены средства за счет государственно-частного партнерства. Только вот при этом ни в одном месте этого «эпохального» проекта документа не упоминается, какова же будет все-таки доля государственного, а какова доля частного партнерства во всех предлагаемых инновациях.

Нострификация по-казахски

В рамках обеспечения интеграции в европейскую зону высшего образования путем приведения содержания и структуры высшего образования в соответствие с параметрами Болонского процесса будут выполнены обязательные параметры по академической свободе. Так, в структуре и содержании образовательных программ будет увеличен компонент по выбору: в бакалавриате до 70 %, в магистратуре до 80%, в докторантуре до 90–95%. В этой связи вспомнилась практика «свободного выбора», или так называемой академической свободы все на том же факультете юриспруденции одного из национальных университетов Казахстана. Проблема решается не студентами и слушателями, а... методистами. Студентов сначала «распикивают» по группам, а после группы уже «цепляют» к предметам, предусмотренным «свободным выбором». И если ты нуждаешься в силу своей деятельности в спецпредмете «валютное право», но находишься в группе, за которой «закреплен» спецпредмет «банковское право», то ты по «воле» методиста будешь изучать последнее, потому что вузу так удобнее. Так что вся эта идея об академической свободе в казахском варианте, честно говоря, – полная профанация идеи.

Если хоть какая-то часть российских вузов оказалась в выгодном положении, имея за плечами известные за рубежом образовательные «бренды», типа МГИМО, «Бауманки» или МГУ, то казахские вузы такого преимущества не имеют. Единственной возможностью сделать их дипломы ликвидными за рубежом является полная рецепция международных образовательных стандартов.

Надо сказать, что в приемах и способах «достигнуть желаемого», наша власть не стеснялась. Увы, но для Казахстана проблема взаимного признания документов о высшем образовании и ученых званиях (нострификации) приобрела поистине прикладной характер. Одним из обязательных условий соответствия международным стандартам является строго определенная «наполняемость» вуза квалифицированными научными и педагогическими кадрами. Видимо, для этого «соответствия» власть сделала вид, что не видит, как вузы буквально начали «штамповать» кандидатов и докторов наук, а после все списала на общий бардак и неразбериху в системе образования. Однако статистика, пусть даже и официальная, более чем наглядно демонстрирует эту тенденцию и позволяет уличить власть в желании выглядеть лучше, чем мы есть на самом деле. Например, если в 2003 году в стране было 5943 аспиранта, то в 2009 году всего 228 человек. Если, только в Алматы на 2003 год функционировало 84 аспирантуры на 69 вузов, то сейчас 48 аспирантур. Ощутите разницу! Чем это можно объяснить? Или за 6 лет у наших преподавателей напрочь погасло желание повышать свой научный потенциал? Сейчас вроде бы этот процесс притормозили, заменив на более упрощенную модель. Теперь специалисты, прошедшие обучение по программам PhD, получают соответствующую степень непосредственно в диссертационном совете вуза. Только вот насколько полученная ученая степень будет отражать реальную квалификацию преподавателя?

Кто будет платить?

Власть считала, что государственные вузы являются для государства непрофильными и убыточными активами, мало ориентированными на потребности рынка труда. С этой целью было проведено акционирование вузов в 2001 году. Так произошло разгосударствление системы высшего образования. А, например, в той же России большая часть бюджета вузов страны формируется за счет государственного финансирования. Итог акционирования вузов для Казахстана оказался более чем плачевным – сокращение издержек на содержание вузов привело к снижению качества подготовки студентов. В настоящее время в стране функционируют 146 вузов (9 национальных, 2 международных, 32 государственных, 13 негражданских, 90 частных, в том числе 16 акционированных), в которых обучаются свыше 610 тыс. человек. Как видим, число частных вузов существенно преобладает над государственными. В то же время проведенный сравнительный анализ состояния высшего образования Казахстана с наиболее развитыми странами мира свидетельствует о том, что страны с большим количеством государственных вузов зарекомендовали себя как действующие лидеры мирового экономического развития.

Вопрос денег, надо сказать, один из основных. Более образованные экономики являются более устойчивыми. В странах, инвестирующих в образование, лучше показатели роста экономики.

Исследования Организации экономического сотрудничества и развития свидетельствуют о том, что при увеличении среднего уровня образования трудоспособного населения на 1 год объем валового внутреннего продукта увеличивается на 3–6% и темп роста ВВП выше на 1%.

- *Среди стран СНГ Казахстан находится на предпоследнем месте по соотношению объема финансирования образовательной сферы и ВВП страны (3,5%). Удивительно, но даже наши среднеазиатские соседи, исключая Таджикистан, нас по этому показателю обошли.*

Объем услуг, оказанных казахскими учреждениями образования с 2003 по 2009 год, увеличился почти в пять раз – со 173,2 млрд тенге до 644,4 млрд тенге. Несмотря на то, что финансирование образования в Казахстане в последние годы растет, оно по-прежнему недостаточно. Например, в развитых странах государством тратится порядка 7% от ВВП.

На Западе сложилась смешанная формула финансирования образования. В ней пять членов: работодатель, некоммерческие субъекты вроде фондов-грантодателей, спонсоры-меценаты, государство и сам потребитель услуги. Вклад каждого определяется конкретными обстоятельствами жизни общества в конкретной стране.

На сегодня сложились три модели. Первая: ультралиберальная американская, где государственное участие минимально. Вторая: умеренно либеральная – Англия, Канада, некоторые страны Ближнего Востока. Государство участвует в финансировании системы образования, но при этом каждый год сокращая свое участие. Третья модель – патерналистская. Распространена в Скандинавии, Северной Балтии, Германии, Франции, Италии. В этих странах образование бесплатное, так как государство финансирует до ста процентов образовательных программ.

Последняя модель пока что нам очень близка. Но если внимательно прочесть проект государственной программы развития образования Казахстана до 2020 года, то мы увидим, что в основу финансирования положен принцип государственно-частного партнерства. То есть, преподнося необходимость модернизации, нам представили дело так, что существует только одна модель преобразований на Западе – ультралиберальная американская. То есть когда государство спит и видит, как оно уйдет из системы образования. А все предпосылки к этому имеются. Так, на сегодня доминантным в системе высшего образования является стремление снизить государственные расходы на содержание вузов. Именно с этой целью был запущен механизм самофинансирования, а роль государства была сведена к оказанию косвенной финансовой помощи наиболее способным абитуриентам через бюджетные квоты и систему предоставления целевых образовательных грантов по определенной специализации. Сегодня наша реальность такова: получение платного образования является необходимым условием доступа к ряду престижных специальностей.

Образование дорожает

Дороговизна высшего образования стала неизменной спутницей ее платности. Согласно статистическим данным, из 16 миллионов населения только 15 процентов казахстанцев находятся в возрастной группе, вовлеченной в образовательный процесс. На самом деле реальное число желающих получить высшее образование в стране значительно выше. Сегодня дороговизна платности высшего образования выходит за рамки разумно возможной оплаты для гражданина со средним уровнем доходов. Расходы же на образование со стороны правительства Казахстана в основном ограничиваются в пределах государственных вузов. Так, общие расходы на образование в настоящее время не достигают и 5 млн долларов, в то время как, например, в западных странах эти цифры намного выше: в Швеции – 18,5 млн долларов, в России – 45 млн, в США – 267 млн, в Австрии – свыше 15 млн долларов США. Складывается впечатление, что правительственные мужи отказываются понимать то, что, когда государство сознательно превращает образование в сферу извлечения прибыли, это не только пагубно сказывается на качестве образования, но неотвратимо ведет к деградации государства.

В то же время реально существующая всеобщая платность высшего образования не решила двух принципиально важных для высшей школы проблем: качество высшего образования и взяточничество в высшей школе. Как и следовало ожидать, к снижению качества привела погоня за численностью студентов, а также снижение планки действующих образовательных стандартов по сравнению с

образовательными стандартами советского периода. Судите сами: если в 2004–2005 годах число студентов составляло чуть более 440 тысяч, то в 2009 году – уже более 610 тысяч.

Проблеме взяточничества в вузах надо посвящать отдельный материал. Скажем одно: в государственных вузах берут взятки за все – за неуспеваемость, за пропуски занятий, за СРС и ИРС, за то, что передвигаешься на машине и лицо твое в конопушках. В частных вузах с этим полегче, но не от того, что «преподы» там все принципиальные и честные. Они просто-напросто не заинтересованы в потере студентов, которых надо было бы исключить за академическую неуспеваемость и т.д.

На сегодня также еще одной из форм государственного финансирования высшего образования является оплата обучения казахских студентов за рубежом. Отметим сразу, что программа носит сугубо элитарный характер. Из стипендиатов «Болашака» готовят сугубо лояльных нынешнему режиму и его ценностям представителей управленческой и бизнес-элиты. Своего рода политический патронаж власти над болашаковцами значительно нивелирует основное предназначение самой образовательной программы и тех ценностей свободного общества, которые стипендиаты могли бы привнести в современное казахское общество.

Одновременно с госфинансированием доходы вузов складываются также из средств от коммерческого обучения. На эту тему наложено табу. Попытки самих обучающихся прояснить ситуацию – на что расходуются средства оплачивающих учебу студентов, как это было в КИМЭПе – ни к чему хорошему не привели.

О проблемах высшего образования в Казахстане можно говорить и писать много. Слепое копирование зарубежного опыта – удел слабых. Увы, но даже новый проект программы развития высшего образования – по большей части все та же «безматериальная комплиментарность». Двадцать лет сплошных реформ и реализации государственных программ не сняли с повестки дня проблемы стратегической значимости. Это дисбаланс структуры подготовки кадров в разрезе специальностей; неэффективность государственного регулирования и слабость национальной саморегуляции рынка образовательных услуг, значительное распространение на этом рынке недобросовестной конкуренции, приводящее к снижению качества высшего образования и девальвации отечественных вузовских дипломов.

По-прежнему отсутствует четкое понимание ситуации – что для того, чтобы поднять высшее образование в Казахстане на новый международный уровень, необходимы постоянные и стабильные инвестиции в сферу образования и науки, которые помогут максимально увеличить возможности по подготовке конкурентоспособных отечественных кадров. Нет системы достойной оплаты труда преподавателей вузов. Отсутствуют жесткие административные меры, способствующие снижению уровня коррупции в вузах. Правительство закрывает глаза на проблему качества образовательных услуг и их доступности всем слоям населения, считая, видимо, что будущее Казахстана – это 3000 болашаковцев и выпускников «Назарбаев-Университет».

В свое время Бенджамин Франклин произнес выдающуюся фразу: «Если высыпать содержимое кошелька себе в голову, его уже никто у вас не отнимет». Государства Запада вложили в образование гигантские средства, а взамен получили мощный рывок в экономико-технологическом прогрессе и новое качество жизни. Ожидает ли такое будущее Казахстан – большой вопрос, потому что у нас реформы новые, а проблемы почему-то остаются старыми.

Артур САДВАКАСОВ